

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СНИГИРЕВА*Россия, Екатеринбург***АННА МАНАСОВНА МЕНЬЩИКОВА***Россия, Екатеринбург***АННА АХМАТОВА В ЗЕРКАЛЕ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ*****АБСТРАКТ:****Anna Akhmatova in the mirror of three generations**

This article focuses on Anna Akhmatova's image in the memoirs of older and younger contemporaries. Akhmatova, due to her very historicistic nature, had gone through three different epochs – the Silver Age, the cruel 1930–1940's, and the “Khrushchev Thaw”, – and represented the link between generations. Her reflection is found in each period's mirror, and she managed to become its emblem. The apposition of Akhmatova's images related to different periods of her life, and memories of the day of her funeral allow us to see the contour of Anna Akhmatova's fate. The poet carefully reconciled this image of her fate, and time itself verified it.

KEY WORDS:

Anna Akhmatova – Anna Akhmatova's image – memoirs – dialogue of generations – emblematical elements – historicism – image of fate – creative strategy – formation of myths – the Silver Age

Осенью 1964 года, работая над набросками автобиографической прозы,¹ Анна Ахматова, в поздний период творчества обращаясь к аксиологии памяти и, как представляется, стремясь уточнить вольно

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19 – 512 – 23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

¹ Замысел создания автобиографии под названием «Мои полвека» не был воплощен.

или невольно искаженные в мемуарах современников черты собственной судьбы и судьбы близких (в первую очередь Н. Гумилева), во «Введении» к предполагаемой книге выводит ставшую широко известной формулу – об отношении к воспоминаниям: «...я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью перекочевывает в почтенные литературоведческие работы и биографии» [Ахматова 1996: 555].

«Свидетель истории – и отечественной, и мировой», «поэт истории» [Седакова 2007], Ахматова, сопоставляя личное и историческое, уделяла пристальное внимание тому, как пишутся воспоминания о встречах с ней и создаются наброски для будущей биографии. Красноречивы воспоминания Ан. Наймана, литературного секретаря поэта в 1960-е гг., цитирующего замечание Ахматовой: «У меня есть такой прием: я кладу рядом с человеком свою мысль, но незаметно. И через некоторое время он искренне убежден, что это ему самому в голову пришло» [Найман 2008: 72]. Так, на страницах воспоминаний П. Н. Лукницкого, одного из первых «летописцев» Ахматовой, встречается немало примеров использования обозначенного приема: «Показала мне свинцовую медаль с ее профилем, сказала, что любит ее. Я заметил, что профиль тяжел. “Это мне и нравится... Это придает “античности”...”» [Лукницкий 1991: 34]; «Я принес АА свой литературный дневник и стал читать. АА делала свои замечания – некоторые фактические поправки. АА очень огорчили дневники: “По этому дневнику выходит, что я злая, глупая и тщеславная... Это, вероятно, так на самом деле и есть”» [Лукницкий 1991: 86]. В продолжение этой записи автор дневников дает пространное и подробное объяснение искажения текста, а также перечисляет факты, опровергающие неверное представление о поэте как «злой» личности.

В воспоминаниях И. Н. Пуниной упомянут столь же важный пример «работы» Ахматовой с мемуарами о Н. Гумилеве, появление которых могло бы способствовать возвращению его имени в русскую поэзию, а также противостоять публикациям, вышедшим на Западе и «бросавшим тень на имя Гумилева»: «Акума торопила, объясняла Люле (дочери Валерии Срезневской, к которой Ахматова обратилась с просьбой о написании воспоминаний о Гумилеве – Т. С., А. М.), как это важно для Валерии Сергеевны, говорила, что рукопись купит Пушкинский Дом» [Пунина 1991: 27]. Важно и описание механизма работы поэта: «Она (Ахматова – Т. С., А. М.) говорила, что все это не то, хотя многое было написано со слов самой Анны Андреевны. Кое-что они вместе по-

правили, и Валерия Сергеевна еще раз переписала все своей рукой, как настаивала на этом Акума» [Пунина 1991: 27].

Помимо прямых исправлений дневниковых и мемуарных записей, о которых известно из разных источников, не менее важным представляется ахматовское внимание к языку, его изменениям во времени, неизбежно ведущим к смещению акцентов, затемнению необходимых смыслов. Ан. Найман пишет о работе Ахматовой над записями о Серебряном веке в последние годы ее жизни: «Она объясняла причины, разоблачала клеветы и ложь, исправляла ошибки и неточности и, по моему, вообще немножко исправляла то ту, то другую черточку ушедшей действительности – не для того, чтобы приукрасить, не ради будущей выгоды, а скорее *mutatis mutandis*, применительно к изменяющимся обстоятельствам» [Найман 2008: 30]. Ахматовские «поправки» нередко вызывают некоторое недоумение как у мемуаристов, так и у современных исследователей, но необходимо помнить главную мотивировку их появления: последовательную защиту от прямых искажений. Небезосновательно замечание в Записных книжках о «...возникновении еще одного оборотня, кот<орый> циркулирует в зарубежной прессе и носит мое имя» [Ахматова 1996: 116].

С «прямыми искажениями», по свидетельствам многих, в том числе, Аманды Хейт, Ахматова была «несогласна до ярости»: «Ее ранило, что ее жизнь, так же как жизнь Гумилева, была описана неверно и дурно, и она чувствовала, что это делает бессмыслицей их творчество» (курсив А. Хейт – Т. С., А. М.) [Хейт 1991: 671]. Уже не искажение образа неточностью, не нарушение выстраивающихся на протяжении десятилетий мифотворческих сюжетов, а то, что могло повлиять на восприятие творчества – наиболее важная и глубинная мотивировка Ахматовой при составлении и корректировке мемуаров и цель возвращения к собственным ранее написанным поэтическим и прозаическим строкам. О сознательном направлении Ахматовой читательского восприятия собственного образа, а следовательно, творчества, пишет Г. П. Михайлова: «Выразительный портрет Ахматовой, созданный Н. Альтманом в 1915 г., превратился в ее визитную карточку, став обязательной составляющей образа “поэт Анна Ахматова”, который сложился в 1910-е гг. В зрелом возрасте Ахматова кардинально корректировала этот миф о себе, касаясь и биографического, и творческого аспектов созданного некогда образа» [Михайлова 2019: 59–60].

Пристальное внимание Ахматовой к мемуарам и ее участие в работе над некоторыми из них, тем не менее, не могло бы искусственно обеспечить создание единого образа, о котором пишет Д. С. Лихачев во

«Вступительном слове» к первой книге воспоминаний о поэте: «Образ Ахматовой повсюду один. Создавая этот образ, мемуаристы не противоречат друг другу. Но ведь мемуаристы не повторяют друг друга! <...> как же богата должна быть личность Ахматовой, чтобы во всех ситуациях, в сознании всех о ней писавших образ ее складывался в единый, целостный, почти скульптурный и вполне графичный портрет!» [Лихачев 1991: 3].

Тексты воспоминаний старших и младших современников поэта, запечатлевших разную Ахматову, от «лунной девы» 1910-х годов до «царственного» «живого классика» 1960-х, нередко объединяет тенденция эмблематизации образа поэта, которая подчас достигается сравнением Ахматовой с эталонными образами и символами мировой культуры, которые, в свою очередь, открывают многосмысловые ассоциативные ряды: «...с ребенком на руках она сразу становится похожа на статую мадонны – не лицом, а всей осанкой, каким-то скорбным и скромным величием» [Попова, Рубинчик 2012: 99]; «Русская Сафо» [Мок-Бикер 1993: 13], «По Комарову ходит Анна Андреевна, *impetratrix*, с развевающимися коронационными сединами и, появляясь на дорожках, превращает Комарово в Царское Село» [Адмони 1991: 334].

Отразившись в зеркале мемуаров нескольких несхожих друг с другом десятилетий XX века, Ахматова стала *genius temporis* каждого из них: Серебряный век, страшные годы террора и войны, «вегетарианские времена» 1960-х гг. Не случайно, характеризуя воспоминания об А. Ахматовой, Д. Лихачев замечает, что они освещают не только ее личность, сборник мемуаристов разных поколений посвящен «не только ей: он о ее эпохах, а пережила она их несколько, и очень несхожих» [Лихачев 1991: 4].

Преломление времени в биографии и творчестве, обеспечившее образу Ахматовой эмблематичность, обусловлено историзмом как доминантной чертой ее поэтического мировидения. В. Н. Топоров, определяя историзм поэта как «органичайшее пресуществование биографии в историю и истории в биографию» [Топоров 2003: 263–264], замечает: «История и знание о ней, память истории устроена, как и сама память, память жизни, память Я <...> Поэт ставит себя в пересекающейся части двух памятей – личной и исторической, и каждая из них “заражается” свойствами сопresentствующей ей другой части» [Топоров 2003: 267–268]. Характерны воспоминания Ан. Наймана: «При общении с ней возникало отчетливо ощущение трех временных потоков <...> Во-первых, реальное время...<...> Во-вторых, ...время возраста, время жизни, в котором ничего из прожитого не пропадает...<...> В-третьих,

сама осознавая свою жизнь составной частью исторического времени, она обыденным замечанием вовлекала в эту тысячелетия текущую реку тех, кто оказывался близ нее. <...> “У нас в Египте”, “у нас в Риме”, “у нас – гибеллинов, елизаветинцев, ордынцев” – было не столько острым словом в устах Ахматовой, сколько непосредственным ощущением» [Найман 2008: 55].

Зеркало Серебряного века, особенно чувствительное к проявлениям театральности в ее разнообразных воплощениях, утверждает и навсегда закрепляет внешний облик Ахматовой, запечатленный в портретах: угловатая, тонкая, ломаные линии силуэта, узнаваемый горбоносый профиль с незавитой челкой – в изображениях Н. И. Альтмана, Ю. П. Анненкова, А. Модильяни, чуть позже – Н. Коган. Через портретные образы Ахматову воспринимали впервые встретившиеся с ней, сверяя поэта с портретами, как с подлинниками. Так, Ф. Раневская о первой встрече с Ахматовой в 1912 г. пишет: «Анна Андреевна открыла сама и стояла в дверях царственно-красивая, с челкой, остроугловатая, как на полотне Альтмана» [Скорыходов 2008: 69]; Л. Гинзбург о встрече в конце 1920-х гг.: «Я помню Ахматову еще молодую, худую, как на портрете Альтмана, удивительно красивую, блистательно остроумную, величественную» [Гинзбург 1991: 126]. Точно угадал появление нового канона Г. Адамович: «Анна Ахматова поразила меня своей внешностью. Теперь, в воспоминаниях о ней, ее иногда называют красавицей: нет, красавицей она не была. Но она была больше, чем красавица, лучше, чем красавица» [Адамович 1991: 66]. Показательно, что этот облик привязан именно к Серебряному веку, «застыл» в нем. Например, биограф Ольги Глебовой-Судейкиной Элиан Мок-Бикер, впервые встретившаяся с поэтом в 1965 г. в Оксфорде, замечает: «Черная шаль и челка, воспетые столькими писателями и поклонниками, были единственными приметам, соотносившими ее – в моем сознании – с привычным образом. Я как будто перенеслась за рамки пространства и времени...» [Мок-Бикер 1993: 14].

Обращенность Серебряного века к оккультному, иллюзорному, мистическому нашла отражение в ахматовских сюжетах о лунной деве, колдунье, пророчице, которые она культивировала на протяжении всей жизни в поэзии, в записных книжках и даже в бытовом поведении. Ей, по воспоминаниям многих, нравилось домашнее прозвище «Акума»: «...это шуточное название означает в японском языке “ведьма, колдунья”... да она в какой-то мере и была такой...» [Дувакин 2018: 140–141]. Упоминания о вещих снах Ахматовой и ее способности знать о предстоящих встречах и событиях постоянны, как и о лунатизме в качестве того

пограничного состояния, в котором смешаны сон и явь и которое способствует особому видению сути вещей. В середине 1920-х гг. П. Н. Лукницкий с ее слов записывает: «...луна стала на нее действовать. Ночью вставала, уходила на лунный свет в бессознательном состоянии. Отец всегда отыскивал ее и приносил домой на руках. “У меня осталось об этом воспоминание – запах сигары... И сейчас еще при луне у меня бывает это воспоминание о запахе сигары...” <...> Я увидела какой-то сон и во сне встала, дошла до середины комнаты и громко говорила: “Пришел, пришел...” <...> Подумайте: другие видят сны, но не ходят по комнате» [Лукницкий 1991: 56].

Образ плакальщицы, матери, жены, взявшей на себя миссию поминовения погибших в тюрьмах, лагерях, во время бомбежек в Ленинграде, явлен во всем ахматовском тексте предвоенных, военных лет и послевоенном десятилетии. Не мог он не отразиться и в массиве мемуаров.

Пожалуй, начиная с этого времени в дневниках, записках и воспоминаниях все активнее начинают доминировать такие определения, как «величественная» и «царственная», впоследствии ставшие общим местом мемуаристов, кроме, пожалуй, Н. Мандельштам, назвавшей Ахматову «голубкой и хищницей», и как свидетель чрезвычайно пристрастный, но знающий, передавшей оценку Ахматовой манеры изображать ее «как на медали» (определение Л. Чуковской). Со слов Н. Мандельштам, Ахматова всегда повторяла: «Не хочу быть “великим металлистом...”». “Великий металлист” – это фарфоровая статуэтка Данько, где Ахматова стоит во весь рост со всеми полагающимися ей атрибутами: ложноклассическая шаль, фарфоровые складки и тому подобное...» [Мандельштам 1991: 315].

Новое время взывало к иной эмблеме, иному образу, который бы свидетельствовал и о трагедии, и о силе ее преодоления. В описаниях облика и поведения Ахматовой начинают доминировать приемы, подчеркивающие статуарность (несгибаемость), скульптурность (царственность), мистериальность (трагичность): «высокая женщина с гордо откинутой головой, вся ее фигура выражала напряженное страдание» [Попова, Рубинчик 2012: 119]; «Ахматова сидела прямо, неподвижно, как изваяние, и слушала музыкальный гул своих стихов с выражением спокойным и царственно снисходительным. <...> Эту монументальную, мистериальную и единственную в своем роде сцену – Ахматова наедине с эхом своего голоса – я прочно запомнил» [Максимов 1991: 110]; «...грандиозна, неприступна, далека от всего, что рядом, от людей, от мира, безмолвна, неподвижна. <...> Держалась очень прямо, голову как бы несла, шла медленно и, даже двигаясь, была похожа на

скульптуру, массивную, точно вылепленную – мгновениями казалось, высеченную, – классическую и как будто уже виденную как образец скульптуры» [Найман 2008: 16].

В последнее десятилетие своей жизни Ахматова стала одной из немногих представителей поэтического круга Серебряного века – поколения, судьбе которого посвящена «трагическая симфония» (определение «Поэмы без героя», принадлежащее М. Зенкевичу и записанное Ахматовой с пометой «отзывы современника») [Ахматова 1996: 134]. Ан. Найман так объясняет причины, по которым молодые люди конца 1950-х – 1960-х годов, для которых «поприщем оказалось искусство», тянулись к Ахматовой: «Она являла собой живой и в тогдашнем представлении безызыанный символ связи времен. <...> Ему (молодому человеку, занимающемуся искусством – Т. С., А. М.) нужно, чтобы его позицию одобрил не только “текущий момент”, но и “века”. Так действует механизм преемственности» [Найман 2008: 23]. Показательны воспоминания И. Бродского о знакомстве с Ахматовой в начале 1960-х годов: «До меня как-то не доходило, с кем я имею дело <...> И только в один прекрасный день, возвращаясь от Ахматовой в набитой битком электричке, я вдруг понял... с кем или, вернее, с чем я имею дело. Я вспомнил то ли ее фразу, то ли поворот головы – и вдруг все стало на свои места» [Волков 2012: 293]. Показательны и его суждения о литературных тенденциях периода «оттепели», в которых Ахматова выступает и в роли свидетеля «настоящего» Серебряного века и, как следствие, как личность, констатирующая схожесть периодов 1910-х и 1960-х годов: «Анна Андреевна считала, что имеет место как бы второй Серебряный век. <...> ...Молодые люди несли ей свои стихи не только в Ленинграде, но и в Москве. И это была чрезвычайно разнообразная публика...» [Волков 2012: 297].

Моделирование образа и судьбы Ахматовой в мемуарах современников дополняют воспоминания о мартовских днях 1966 года, собранные сотрудниками Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Так, об отпевании в Никольском соборе вспоминает И. С. Цимбал: «Я никогда... не видела вместе столько настоящих петербургских лиц. Это был групповой портрет петербургской культуры, – нет, петербургского прошлого... и я слышала здесь, в шепоте толпы, то произношение, ту лексику» [Копылов, Позднякова 2006: 43]. Красноречивы слова М. Ардова, в ахматовском стиле иронично подводящие черту под образом судьбы поэта: «Если бы 5-е число не было днем смерти Сталина, если бы не помешал омерзительный советский праздник 8 Марта, если бы не борьба за место на кладбище – это были бы похороны не для Ахматовой, они бы не соответствовали всей ее жизни» [Копылов, Позднякова 2006: 3].

Образ судьбы Ахматовой в мемуарах современников обретает законченность при соположении воспоминаний, относящихся к разным эпохам. Став свидетелем революции, страшных лет террора, блокады и эвакуации, войны и Победы, жестокости послевоенного десятилетия, неоднократно пережив «гражданскую смерть», в шестидесятые годы она, окруженная новым поэтическим поколением, заняла место «живого классика», став подлинным воплощением связи времен, подводила черту под описанием собственной судьбы и пережитых ею эпох.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АДАМОВИЧ, Г. (1991): Мои встречи с Анной Ахматовой. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 65–76.
- АДМОНИ, В. Г. (1991): Знакомство и дружба. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 332–346.
- АХМАТОВА, А. А. (1996): *Записные книжки (1958–1966)*. Москва; Torino: Giulio Einaudi editore.
- ВОЛКОВ, С. (2012): *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Эксмо.
- ГИНЗБУРГ, Л. (1991): Ахматова (Несколько страниц воспоминаний). In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 126–141.
- ДУВАКИН, В. Д. (2018): *Беседы с Виктором Ардовым. Воспоминания о Маяковском, Есенине, Ахматовой и других*. Москва: Common place: Устная история.
- КОПЫЛОВ, Л., ПОЗДНЯКОВА, Т. (2006): *Послесловие. Мартовские дни 1966 года*. Санкт-Петербург: Невский диалект.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С. (1991): Вступительное слово. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 3–5.
- ЛУКНИЦКИЙ, П. Н. (1991): *Asitiana. Встречи с Анной Ахматовой*. Т. 1: 1924–25 гг. Paris: YMCA-PRESS.
- МАКСИМОВ, Д. Е. (1991): Об Анне Ахматовой, какой помню. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 96–125.
- МАНДЕЛЬШТАМ, Н. Я. (1991): Из воспоминаний. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 299–325.
- МИХАЙЛОВА, Г. П. (2019): Ахматова и загадка Шекспира. *Известия уральского университета*, 2019, №3 (190). Сер. 2. Гуманитарные науки. с. 51–65.
- МОК-БИКЕР, Э. (1993): «Коломбина десятых годов...»: *Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной*. Париж: Изд-во Гржебина; Санкт-Петербург: Арсис.
- НАЙМАН, А. (2008): *Рассказы об Анне Ахматовой*. Москва: АСТ: Зебра Е.
- ПОПОВА, Н. И., РУБИНЧИК, О. Е. (2012): *Анна Ахматова и Фонтанный Дом*. Санкт-Петербург: Невский Диалект.
- ПУНИНА, И. Н. (1991): Об Анне Ахматовой и Валерии Срезневской. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 20–27.

- СЕДАКОВА, О. (2007): «*И почему у нас совесть и страх*». К юбилею Анны Ахматовой (5.10.2019), www.olgasedakova.com/Poetica/235
- СКОРОХОДОВ, Г. (2008): *Разговоры с Раневской*. Москва: АСТ.
- ТОПОРОВ, В. Н. (2003): *Петербургский текст русской литературы*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб.
- ХЕЙТ, А. (1991): Человек, а не легенда. In: В. Я. Виленкин – В. А. Черных (eds.): *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Сов. писатель, с. 670–673.

ПРОФИЛИ АВТОРОВ:

Снигирева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор.
Автор статей и монографий, посвященных истории русской литературы XX века.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Кафедра русской и зарубежной литературы департамента
«Филологический факультет»
Россия
620000 Екатеринбург
пр. Ленина, 51.
<https://urfu.ru>

Ведущий научный сотрудник сектора истории литературы
Института истории и археологии УрО РАН
Россия
620990 Екатеринбург
ул. Софьи Ковалевской, 16
<http://www.uran.ru/>
tas0905@rambler.ru

Меньщикова Анна Манасовна, кандидат филологических наук.
Автор статей, посвященных поэтике позднего творчества Анны Ахматовой.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Кафедра русской и зарубежной литературы департамента
«Филологический факультет»
Россия
620000 Екатеринбург
пр. Ленина, 51.
<https://urfu.ru>
menanman@inbox.ru